

Андрей Жвалевский Евгения Пастернак

М+Ж

Серия «Легкое чтение»

Первый отечественный «книжный сериал», написанный в жанре сверхпопулярного на Западе «иронического любовного романа» (самый известный представитель жанра – «Дневник Бриджет Джонс»). Главные герои (москвич Сергей и минчанка Катя) попадают в череду случайных событий, которые полностью изменяют их жизнь. Если бы они могли читать мысли друг друга... А вот читатели имеют такую возможность (поскольку каждый эпизод романа описан и Катей, и Сергеем) – и обнаруживают, что мужчины и женщины не только чувствуют, но и видят, слышат, думают совершенно по-разному. «М + Ж» позволит каждому читателю как бы примерить на себя эти романтические приключения: странные, смешные и неожиданные. Книжную серию Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «М+Ж» критика назвала «самым смешным и трогательным любовным дуэтом последних лет». Конечно же, кино не могло пройти мимо такого подарка – и вот уже роли Кати и Сергея в фильме «М+Ж» сыграли герои всенародно любимого телесериала «Не родись красивой» Нелли Уварова и Григорий Антипенко.

Смотри фильм и читай книгу «М+Ж».

Любые совпадения с реальными людьми, государствами и климатическими явлениями случайны. При написании книги ни одно нэцкэ не пострадало. Мнение одного автора может не совпадать с мнением другого автора.

МЕТРО, КНИГИ И КИТАЙСКИЕ БЛЮДА

Почему в вагонах метро всегда такая тоска? Почему все ветки как ветки, а эта, серая, какая-то особенно нескончаемая? И почему, особенно вечером, так остро чувствуешь себя не дома? Вроде бы метро во всех городах одинаковое, и люди везде одинаковые, а едешь тут одна, и вокруг все чужие. Почему-то кажется, что за тобой следят, кто-то хочет вытащить из сумки кошелек, а вся милиция города существует для того, чтобы проверять паспорт. У меня.

А ведь все было хорошо, никто меня не трогал, но стоило одному менту прицепиться, и теперь в каждом я вижу врага. А они это чувствуют! При виде милиции я инстинктивно втягиваю голову в плечи и пытаюсь сделать вид, что меня нет, но именно меня всегда выдергивают из толпы. Можно, конечно, льстить себе: это потому, что я такая неотразимая... Да, лучше думать, что не заметить меня просто невозможно. И тот мужик так смотрит не потому что убить в подворотне хочет, а потому что любит.

Господи, да что же это такое! Такое ощущение, что последние сто лет я провела в этом вагоне метро. Еще четыре остановки, потом можно расслабиться. Нужно думать о хорошем. Сейчас я приеду к Наташке, она накормит меня чем-нибудь... Нет, сначала мы пойдем в «Перекресток» и это «что-нибудь» купим. Вот интересно, почему, если рядом Наташка, то город совершенно не чужой, а наоборот, родной и знакомый?

Уф, вроде бы тот мужик, что так на меня пялился, собрался выходить. Я, конечно, все понимаю, но без него дышать как-то легче стало. О! Следующая «Чертановская», уже совсем близко. Значит так, сейчас приеду, выйду из метро и позвоню Наташке. Она так часто меняет съемные квартиры, что я адреса не успеваю запоминать. Позвоню, она расскажет, куда идти, и уже через десять минут буду сидеть у нее на кухне, будет мне хорошо и уютно...

Все, «Южная» следующая. Еще пару остановок – и точно клаустрофобия началась бы, я стала бы кричать, головой об стенку биться, меня отсюда на «скорой» увезли бы... Нет, нужно о хорошем думать, тем более, что я уже приехала.

Ну почему, почему, когда я в вагоне – так давка, а как на станции – так никого нет, кроме вон того милиционера? И тут уж себя ничем не утетишь, очевидно, что я здесь самая красивая: тут, кроме меня, никого...

Ну, хоть бы он занялся чем-нибудь, хоть бы ему по рации кто-нибудь позвонил, хоть бы у него зачесалось что-нибудь... Так, нужно изображать аборигена, смотреть прямо, идти уверенно, я тут каждый день хожу, дорогу как свои пять пальцев знаю...

– Девушка!

Ну почему я?! Ах, да, тут же, кроме меня, нет никого. Я же тут единственная и незаменимая.

– Девушка, подойдите ко мне, пожалуйста.

– Что-то случилось?

Дурацкий вопрос.

– Девушка, можно ваши документики посмотреть?

– Зачем?

Нет, я определенно решила побить все рекорды идиотизма. Сейчас мент разозлится, и мне мало не покажется.

– Хочу убедиться, что у такой красивой девушки документы в порядке.

Все... Игриво настроенный милиционер хуже злого. О, поезд следующий пришел. Почему бы в этом поезде не приехать вагону террористов с пулеметами и автоматами наперевес? Интересно, «наперевес» – это как? Наперевес чему?

– Девушка!

– Да-да, я сейчас! Только паспорт найду.

Вот, черт! Одна надежда: пока я буду в своей «маленькой» сумочке паспорт искать, мент поседеет, состарится, у него начнется склероз, и он про меня забудет. Та-а-ак, это косметичка, это прокладки, это... А что это, кстати? А-а-а, помню, помню... Стоит, зараза, уже не улыбается, вся игривость пропала. Переходим во второе отделение сумки: тут визитки, права (чего я их с собой таскаю, все равно в Москве на машине не езжу), кошелек... Не поняла, а паспорт где? Ладно, сначала. Это права, это кошелек, а где записная книжка? Если рассуждать логично, то вряд ли из сумки стащили паспорт и записную книжку, а кошелек оставили... Но это – если логично, а как можно рассуждать логично, если над душой стоит этот придурок!

– Знаете, я, кажется, забыла паспорт дома.

– Придется пройти в отделение для выяснения личности.

– Ой, а давайте я лучше домой пойду, поздно уже...

– Вот выясним все, и пойдете.

Вот гад. Еще один поезд. Ну хоть бы какой захудалый «челнок» с сумкой размером с вагон метро. Зажрались они тут, в Москве, у нас дома каждый второй с такой сумкой

ходит.

– Молодой человек, простите, товарищ милиционер, я вас умоляю, отпустите меня домой, я целый день на выставке отработала, я есть хочу!

Главное – улыбаться пожалостливее, это легко получится, я действительно ужасно голодная. Где я могла забыть паспорт? Скорее всего, на выставке. Мне показалось, что сумочка слишком тяжелая, я выложила из нее кучу всяких бумаг и оставила на стенде. Наверное, паспорт завалился между ними... И записная книжка тоже... Боже мой, а как же я Наташке позвоню?! Дура, сколько раз собиралась ее телефон на SIMку записать! Черт, черт, черт!.. А, может, она сама перезвонит? Подождет часик, а потом начнет меня искать? Нет!.. Она же мой новый мобильник просто не знает! Вот только плакать не надо, терпеть не могу женщин, которые что-нибудь выплакивают. Еще не хватало перед этим истуканом разреветься.

– Ну, отпустите вы меня.

– Я вас в отделение отведу, пусть они отпускают.

Отлично, вот там и переночую. Только не реветь, да нет же!.. Все, поздно... Может, если я на поверхность выйду, то вспомню, где Наташка живет, я же была у нее, пусть год назад, но была...

– Вы тут кончайте рыдать, паспорт с собой носить нужно.

Рыдать? Это я пока не рыдаю, это я только всхлипывать начала. А что делать? Ну, хоть люди на станции появились.

– Привет, Катерина, ты уже и милиции скандалы закатываешь, не мне одному мучиться?

Катерина? Это я Катерина? То есть я, конечно, Катерина.

– Что, опять паспорт дома забыла? А меньше нужно орать по утрам, а больше головой думать. Товарищ сержант, это моя жена. Вот мой паспорт, вот мои ключи от квартиры, а вот ключи, которые она мне сегодня в лицо швырнула. Скажи спасибо товарищу милиционеру, что он тебя здесь задержал, а то бы ты все это время у подъезда куковала. Идем домой, давай сумку. Что ты в ней все время таскаешь, она же у тебя как кирпичами набита. Все, пошли!

Все, иду. В голове ни одной мысли. Ни одной. Если этот мужик хочет спереть у меня сумку, то сейчас мы выйдем на улицу и он убежит.

Права жалко.

– Послушайте, отдайте мне сумку, она же, правда, как кирпичами набита.

– Отойдем подальше, отдам. Мент все еще нам вслед

смотрит.

– А почему он меня отпустил? Может, он сейчас подкрепление вызовет?

– Не вызовет, я ему в своем паспорте сто рублей сунул.

– Обычно пятидесяти хватает...

– Я хотел, чтобы молча отпустил, без лишних разговоров.

– Все, спасибо, мы уже из метро вышли, давайте мою сумку, я домой пойду, мне в другую сторону. Давайте я вам сто рублей отдам.

Интересно, куда это он меня так уверенно ведет? Почему я за ним вообще пошла? А почему он меня по имени назвал?

– Ой, поняла! Вы меня знаете, да? Вы же мое имя знаете! Мы у Наташки встречались? Представляете, а я ее адрес на выставке забыла, совершенно не помню, куда идти. Как хорошо, что вы меня встретили, а то я даже телефона не знаю.

Господи, какое облегчение! Хоть плачь от радости.

– Понятно, переночуешь у меня, а утром с твоими делами разберемся.

– Почему у тебя... У вас... Мне на работу утром...

– Значит, вечером приедешь, вечером разберемся.

– Но я... но мне... Я не могу... Мне позвонить надо, меня ждут...

Просто Цицерон в юбке, само красноречие. Странная женская особенность: как только рядом появляется человек, который за тебя думает, собственный мозг отключается. Я даже не могу сообразить, в какую сторону от метро мы пошли. Куда я иду? Зачем?! Этот тип убьет меня где-нибудь в подворотне, а я потом даже не смогу объяснить, где это произошло. Почему он меня не отведет к Наташке? Может, с ней случилось что?

– Меня Сергеем зовут, а тебя?

Как это: «А тебя?». Он же меня знает... Или нет? Или с кем-то спутал?

– Катя. В смысле, Катерина Ивановна.

Никакой реакции. Аферист? Или маньяк? А если маньяк, зачем представлялся?

– Да не собираюсь я тебя убивать. На, возьми платок, вытри правый глаз, у тебя тушь размазалась. Правый глаз с другой стороны.

– С другой стороны чего?

– С другой стороны носа. Ты левый вытираешь.

Все он знает! Где правый глаз, знает, и что тушь размазывается, знает.

– Значит так, запоминай мой адрес. Нет, не запоминай, я

тебе на бумажке напишу в пяти экземплярах и в сумке разложу по разным местам. Может, один – случайно – не потеряется. Ну, вот, слава богу, ты улыбаться умеешь. А то я подумал, так и будешь скорбеть вечно. Все, расслабься. Неприятности закончились. Этаж хотя бы запомни. Девятнадцатый. Что ты знаешь про цифру 19?

– Это не цифра, а число.

– Какая радость, ты начинаешь что-то соображать!

Девятнадцатый этаж. 19 этаж... Никаких ассоциаций, запомнить невозможно. Господи, что я делаю, куда меня несет?! Убийство в лифте... Так просто, что даже не страшно. Нужно хоть мужика рассмотреть, а то он меня убьет, а я его потом не опознаю. Обычный мужчина. По закону жанра должен быть жгучий брюнет, ростом не меньше 188. По закону жанра я должна сейчас испытывать страстное желание и погибнуть в неравной борьбе с ним... А я ничего не испытываю. Может, я фригидная? Конечно, хорошо испытывать желание, когда ты красивая, уверенная в себе блондинка с талией шестьдесят сантиметров. А когда тушь потекла, когда нос красный и жрать хочется? Вот умоюсь, причешусь, поем и тогда посмотрю на него еще раз. Хотя куда мне есть. Если даже совершенно незнакомый мужик не пытается ко мне пристать, значит точно килограмма три сбросить нужно.

Настроение у меня с самого утра было хорошее.

Правильное слово «настроение», оно происходит от «настроить», «настраиваться». Вот настроился с утра на положительные эмоции – и все пошло как по маслу.

Началось с того, что директор, придя на работу, обнаружил меня на боевом посту. Я листал принесенную вчера рукопись с таким утомленным видом, что издали было видно: человек с рассвета трудится (на самом деле – двенадцать с половиной минут). Повертев носом, директор заинтересовался, готовы ли обложки, узнал, что в ближайшее время я новых книг в производство сдавать не собираюсь, буркнул: «Завалили работу в компьютерном отделе!», и скрылся в кабинете.

Я тут же показал директорской спине язык, чем заслужил залихватский смех Кати. Катя была младшим редактором и, следовательно, моим подчиненным, но хохотала не из подхалимажа, а от стремительности юной души.

До ухода директора по очередным таинственным «делам» я успел отклонить две рукописи, заинтересоваться одной, написать пять писем авторам, которые уже полтора года находились в бегах, и посетить сайт anekdot.ru. Затем, дождавшись, пока рокот начальственной «мицубиши» затихнет за поворотом, объявил второму младшему редактору Рите, что должен съездить на выставку, а потом проведать кое-кого из потенциальных инвесторов.

– А-а-а, – сказала Рита и внимательно посмотрела на воротничок моей рубашки.

Когда-то я опрометчиво явился в издательство с помадой на воротнике, и с тех пор ехидные коллеги женского полу при каждой моей отлучке интересовались состоянием этой почти интимной части одежды.

Проигнорировав непочтительность, я двинулся навстречу приключениям. С инвестором (моим бывшим соседом по общаге) мы прекрасно пообщались по телефону, пока я шел к метро. Получив легко прогнозируемое «Да пошел ты со своими книжками!», я с чувством перевыполненного долга двинул к Маше.

Цветы на сей раз выбирал тщательно и даже сопровождал их коробкой хороших конфет. После прошлого раза следовало быть паинькой. Бинарная смесь «цветоконфеты» оказала свое обычное нервно-паралитическое действие. Машка – существо воздушное, но практичное – подулась, но все простила и была

со мною ласкова необыкновенно. Как оказалось позднее, не без умысла.

Когда я валялся (беззащитный, романтический и после душа) на ее упругом диванчике, хозяйка нежно прильнула ко мне и попыталась завести абстрактный разговор, от которого за километр веяло маршем Мендельсона. Но даже это не испортило мне настроения. Просто во внутреннем блокноте напротив имени «Мария Концевая» появился жирный черный крестик.

Словом, когда я добрался до станции метро «Южная», душа если не пела, то насвистывала какую-то очень жизнерадостную мелодию. Хотелось совершенно бесплатно сделать кому-нибудь хорошо. Объект не заставил себя ждать.

Объект стоял перед кособрохим ментолиционером и нервно рылся в сумочке. Блюстителю прописки смотрел прямо перед собой с непроницаемостью мусорного бака.

– Документики, гражданка, с собой носить надо, – монотонно бубнил он. – Пройдемте в отделение.

Гражданка суетливо возражала, что она вот где-то вот тут сейчас чего-то найдет, и продолжала рыться. По ее судорожно-беззаботному лицу было понятно, что никакого паспорта у нее с собой нет, и дамочка просто тянет время.

Вообще говоря, незнакомка мне сразу глянулась, хотя ничего особенного из себя не представляла. Она не была ни слишком молода, ни слишком красива (я и не люблю таких). В меру рыжая. Одета без шика, но со вкусом. Ножки не слишком худые и впечатляющей длины, хотя и в пределах разумного. Грудь вроде ничего, впрочем, при современном уровне бюстгальтеростроения такую грудь может позволить себе кто угодно. Возраст – около тридцати, мой любимый, сразу не определяемый. Взгляд, полный горя и размазанной туши.

Словом, если бы не поэтическое томление души, прошел бы мимо, и ничего бы в груди не екнуло.

А поскольку екнуло, то я двинулся не мимо, а прямо на сладкую парочку.

– Катька! – воскликнул я как можно грознее. – Ты где ходишь? Опять во что-то вляпалась? Ты уже и здесь скандал закатила?

Нахрапистость, или, как выражаются грубые люди, нахальство – второе счастье. Первое счастье – обеспеченность денежными знаками. Мент ощутил во мне присутствие двух счастлих одновременно и переключил внимание с безденежной клиентки на меня. Уже через пять минут мы

расстались, довольные друг другом: сто рублей – прекрасный повод для взаимопонимания. Женщина, которую я окрестил Катериной, к счастью, оказалась сообразительной. А может, была ошарашена. Во всяком случае, вела она себя правильно: заткнулась, кивала в нужных местах и только после выхода сержанта из зоны слышимости потребовала назад сумку. Еле удалось убедить ее, что не стоит дразнить гусей, даже если в зобу у них новенькая сотенная.

Выводя незнакомку из пасти метрополитена, я чувствовал себя Героем Советского Союза Водопьяновым, вывозящим со льдины первую партию больных и обмороженных челюскинцев. На по-вечернему освещенной улице моя новая знакомая показалась мне даже симпатичной. Для улучшения экстерьера я не пожалел свежего носового платка, которым дамочка принялась выковыривать тушь из зареванных глаз. В порыве благородства я решил донести сумку до нужного места.

Выяснилось, что нужное место – моя собственная квартира, потому что прекрасная незнакомка оказалась в чужом городе без документов и адреса своей подружки.

«Может, аферистка? – встрепенулось мое тренированное здравомыслие, но тут же получило отпор от романтики: – Слишком уж сложно! Это твой шанс, дубина!»

Благодушно простив романтике «дубину», я выкатил грудь и перешел на «ты»:

– Меня Сергеем зовут. А тебя?

– Катя, – протянула она, озираясь в сторону не видимого уже милиционера.

– Да не бойся, – усмехнулся я, – не убью!

Моя новая знакомая затравленно втянула голову в плечи, а я вдруг сообразил:

– Что значит «Катя»?

– Значит, Екатерина, – собеседница посмотрела на меня круглыми, как у селедки, глазами и добавила: – Ивановна.

– Ладно, – покладисто сказал я, – Екатерина Ивановна. Переночуешь у меня. А чтобы не потерялась по дороге, я тебе свой адрес на бумажке напишу. В пяти экземплярах.

И повел нежданную вечернюю добычу в свое двухкомнатное логово.

Когда я поняла, что мое имя Сергей просто угадал, то изо всех сил постаралась расслабиться. Как ни странно, получилось. У него оказалась нормальная холостяцкая квартира: с одной стороны, уютная, с другой – в меру грязная и неухоженная.

Сергей, не умолкая ни на минуту, приготовил простой ужин и даже вытащил откуда-то бутылку вина, – весьма кстати, потому что, оказывается, вся эта история здорово расшатала мне нервы. После первого бокала перестали дрожать руки, а после второго я окончательно успокоилась. Я просто забыла, что с этим мужчиной знакома всего пару часов...

Это я обнаружила, случайно глянув на часы. Мы легко трепались на околокнижные темы, нашли пару общих «шапочных» знакомств, выдули бутылку вина и чувствовали себя совершенно замечательно. Но, кроме относительного времени, часы показывали еще и абсолютное. Стукнуло двенадцать часов ночи. Пора спать.

– Сергей Федорович, спасибо за все, я очень устала, спать хочу страшно, можно, я уже пойду...

Слова еле выдавливались. Ни простоты, ни естественности... Что делать? Как себя вести? С одной стороны, не хотелось изображать из себя жеманную недотрогу, с другой, нельзя, чтобы он воспринял мое поведение как намек на то, что я не против.

Если бы мы были знакомы получше, я бы в лоб спросила, где кто сегодня будет спать. А вдруг он и не собирался ко мне приставать? Я полезу с какими-то дурацкими вопросами, а он будет смотреть на меня, как на последнюю дуру... Еще подумает, что напрашиваюсь. Мне стало так стыдно, что даже жарко. Я быстренько сделала вид, что зеваю, и, закрыв лицо руками, сбежала из кухни.

Надеюсь, он не воспринял мое бегство как намек на то, что нужно побыстрее ко мне присоединиться. Да-а. Ничего себе у него постелька... Метра два на два, но подушка одна, одеяло одно, – как будто ничто не говорило о том, что у него на сегодня какие-то планы. Ладно, разберемся.

Улеглась, а сна, само собой, ни в одном глазу. Интересно, что он там делает. Небось, душ принимает. Сейчас завалится в комнату, такой выбритый, благоухающий, и скажет какою-нибудь пошлятину, типа «не найдется ли для меня местечка?». Фу! Гадость какая!

Что-то он долго не идет... Наверное, паузу держит. Ждет, когда меня разморит после вина, он придет, а я тут такая сонненькая, тепленькая, он ко мне под одеяло юрк... А я ему ногой в пах бабах! А чего лезешь!..

Что-то он еще не пришел, а я уже издергалась вся. Пойти, что ли, посмотреть, чем он там занимается? Тогда он точно решит, что я его ждала...

Нет, сил нет ждать. Пойду, посмотрю, а если его встречу, скажу – в туалет, тем более, что это будет кстати.

Когда я крадучись вышла из комнаты, то увидела, вернее, услышала, что хозяин квартиры спит мертвым сном.

И только усталость так и не позволила мне разобраться, почему, кроме огромного облегчения, я испытала совершенно неуместное разочарование. И злость. Я тут про него думаю, а он в это время спит, а еще...

На самом деле я заснула гораздо быстрее, чем думала.

Продолжая партию доброго самаритянина, я всю дорогу до квартиры развлекал гостью изящной светской беседой, от которой оторвался лишь однажды – открыть дверь. Надо признать, что операция эта требует полной концентрации внимания даже от меня. Посторонний человек ни за что не проникнет (не покинет) в мою крепость, даже вооруженный всеми ключами. Там нужно эдак потянуть, одновременно приподнимая ручку под углом шестьдесят два градуса и надавливая на левый нижний угол двери носком ботинка.

Впрочем, Екатерина Ивановна любезно не заметила секундной заминки в беседе и вообще была естественна и расслаблена.

– Хорошо еще, что косметичку не забыла, – заявила она с подкупающей искренностью, – завтра я была бы похожа на пугало!

Тут она на себя наговаривала. Смыв под душем слой штукатурки, Катя стала даже привлекательнее. И это становилось все большей проблемой. То, что Екатерина Ивановна также работала в книжном бизнесе, никак не делало нас с ней существами среднего пола. Бутылка красного сухого ситуацию только усугубила.

Слушая ее полусонную болтовню о том, что она благодарна, и все такое, а завтра с утра поедет на выставку и найдет там блокнот и паспорт, и как хорошо встретить в чужом городе коллегу, а то что бы она делала сейчас, просто непонятно, – слушая все это, я напряженно размышлял о предстоящей ночи.

Не попытаться не приставать к ней я не мог.

Молодая привлекательная дама, ночь, вино, романтическое знакомство... И вообще, что подумает гостя, если к ней не поприставать? Решит, что я голубой? Нет, не похож. Значит, импотент. Ну уж нет! Лучше по физиономии получить, чем так опозориться! С другой стороны, мы с Машкой сегодня на радостях выполнили недельную норму любовных утех, поэтому секс-феерия в моем исполнении вряд ли получится. Получится один невыразительный раз. В лучшем случае. А если буду слишком много об этом размышлять, и одного раза не видать.

Словом, я с большим облегчением дождался, когда моя женственная коллега с хрустом зевнула, попросила поставить будильник на семь и побрела в комнату. Допил вино, разложил гостевую тахту, а затем, так ни на что и не

решившись, завалился спать.

Утро было замечательное. Бывает, что просыпаешься в хорошем настроении без всякого повода. Просто все хорошо.

Меня начал душить практически беспричинный смех: я вдруг увидела ситуацию со стороны, представила, как буду рассказывать эту историю, и с каждой минутой веселилась все больше и больше.

Вот как объяснить Наташке, почему я не пришла ночевать? Я тут же живо представила себе все, что скажет моя подруга по этому поводу. Она ждала, волновалась, а я с каким-то мужиком шлялась.

То есть получилось, что я сняла в метро мужика. Вернее, он меня снял. За сто рублей. Дешевка! Правда, я и эти деньги не отработала, так что не дешевка, а халява...

А мент у нас был чем-то вроде сутенера.

Представляю себе: бандит, который выкупает меня у мента, чтобы впоследствии надругаться в лифте. И всего за сто рублей.

Светило солнышко, вид из окна девятнадцатого (надо же, запомнила) этажа открывался просто прекрасный, и я бегом поскакала в душ, чтобы успеть туда раньше хозяина квартиры.

Могла бы и не спешить – он спал в той же позе и, похоже, в ближайшее время не собирался не то что вставать, но даже и шевелиться.

Ванная меня окончательно развеселила. Чего тут только не было! Вернее, кого тут до меня только не было!

Шампунь для сухих поврежденных волос, бальзам для жирных, сеточки для волос, прокладки, зубных щеток целая жменька. Да... Нужно все-таки к Сергею Федоровичу получше присмотреться, не зря же дамы сюда табунами ходят.

В ванной обнаружилось абсолютно все необходимое для того, чтобы окончательно поднять мне настроение. Даже мой любимый шампунь, даже крем для рук и даже фен.

А дальше случилась очень странная вещь. С чистой высушенной головой я пришла в комнату, открыла дверцу шкафа в надежде обнаружить там зеркало (с чем всегда плохо в холостяцких квартирах, так это с зеркалами), и увидела в шкафу женское платье.

Бежевое.

Точно такое же, какое я сшила себе на Новый год, тут же посадила на него пятно, и так и не донесла до химчистки.

Платье мне страшно нравилось, очень мне шло, и меня тут же задушила обида, что кто-то еще мог сшить себе такое же.

Как же так? Не могли ведь два разных человека сшить себе одинаковые платья из одинаковой ткани!

Я взяла его в руки и обомлела. Пятно было на месте.

А дальше я просто сделала то, что показалось мне в данной ситуации совершенно естественным: прямо с платьем в руках пошла к Сергею Федоровичу, и, когда добилась того, что он не только открыл глаза, но еще и заметил меня, задала простой вопрос:

– Откуда у вас это платье?

Утром я долго пытался сообразить, что это за тетка трясет меня за плечо и спрашивает:

– Сергей Федорович! Откуда у вас в шкафу мое желтое платье?

Господи Иисусе! А также Магомете, Иегове, Будде и прочая! Да кто ж такие вопросы на непроснувшегося человека обрушивает? Или я должен одновременно сообразить, где я, с кем разговариваю, какое такое платье, почему в моем шкафу и вообще, что здесь происходит? Почему нельзя было разбудить меня нежным поцелуем и запахом свежесваренного кофе, подождать, пока я увижу мир во всей полноте красок, после чего представиться, ознакомить с кратким содержанием предыдущего вечера (а вдруг у нас что-нибудь было?) – и только потом вскользь упомянуть о каком-то там платье?

Естественно, я понятия не имел, откуда у меня в шкафу какое-то там платье! Я даже день недели не назвал бы в этот момент! Выручила выработанная за годы общения с женщинами привычка врать (что делать, приходится говорить на языке, который понятен собеседнику). Не приходя в сознание, я выдал какую-то фантазмагорию с участием десятка вымышленных персонажей – и начал просыпаться. И чем сильнее я просыпался, тем глупее себя чувствовал. А какого, собственно, хрена? Чего это я перед ней оправдываюсь? Навязалась тут на мою голову...

Рассвирепев, я оборвал свою увлекательную историю о бедной сестре из Киева (о какой сестре? из какого Киева?) и демонстративно отвернулся к стене.

Тут до меня дошло, что Катя (о, имя вспомнил!) уже минут пять заливается, как табакерочный чертик – их теперь в каждом сувенирном магазинчике продают. Надо было бы обидеться, но я не смог. Мне почему-то казалось, что моя гостья хохочет не надо мной, а вместе со мной. Я тоже развеселился – особенно когда представил, как это все выглядит со стороны.

Вообще-то я попытался хранить демонстративную угрюмость, но долго не продержался, потому что Катерина перехватила эстафету и поведала небывальщину о том, как и где она то ли покупала, то ли шила это самое платье. Мне было сообщено полтора миллиона подробностей о размере выточек, тетке, которая стояла перед кем-то в очереди, подробном маршруте следования до портного и

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru